

дело *прежде*, чем шведы приблизятся к украинским границам. Ксендз привез еще проект трактата с Мазепой и со всем войском Запорожским. Княгиня Дольская просила Мазепу прислать за ним какого-нибудь своего доверенного. Вспоминая этот момент, Орлик пишет: *"совершенно я поразумел, что он Мазепа думает лукавое об измене"*, поскольку узнал в том ксендзе того самого иезуита, с которым встречался Мазепа по дороге из Жолквы.

По прочтении письма гетман велел спалить письмо Дольской и задумчиво произнес: *"С умом борюсь или. посылать это письмо к царскому величеству или удержать?".* И, помолчав, решил, что лучше отложить до утра. Орлик стоял в безмолвии, и Мазепа сказал ему многозначительные слова, от которых на Орлика напал неописуемый страх: *"А теперь, одыйди до своей квартиры, и молися Богу, ... может твоя молитва быть приятнейшая, нежели моя, ты ведь по христиански живешь. Бог Сам весть, что я не для себя чиню, но для вас всех и жон и детей ваших"*. Глубоко верующий Орлик вернулся домой, взял два рубли и пошел раздавать милостыню, молясь, чтобы *"Бог Всемогущий свободил мене от обстоимых бед и отвратил сердце Мазепино от того лукавого"*. А далее в письме в порыве откровения обращается к своему респонденту, митрополиту Яворскому: *"Нелицемерным духом и не в похвалу себе тое до вашей святости пишу, но в откровение на исповеди совести моей, что устрашалемся тоей измены..."*

А утром Орлик узнал то, что уже предположил, но боялся услышать. Мазепа уже ждал Орлика, сидя за длинным столом, на котором лежал крест с частицей животворящего древа. Он обратился к генеральному писарю с такими словами (в обработке текста Н.А. Костомаровым) : *"До сих пор я не смел тебе объявлять прежде времени моего намерения и открывать тайну, которая вчера тебе открылась случайно. Не то чтоб я в твоей верности сомневался,- я никогда о тебе не подумаю, чтоб ты заплатил мне неблагодарностью за толикую к тебе милость, за любовь и благодеяния и стал бы моим предателем,- но я рассуждал так: ты человек умный и*